

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ОТРЕЧЕНИЯ НИКОНА ОТ КАФЕДРЫ

В статье на основе сравнительного анализа источников делается попытка рассмотреть причины отказа Никона от патриаршей кафедры. В результате исследования делается вывод, что уход Никона являлся не демонстративным, как предполагали большинство исследователей, а был признанием собственной неспособности к проведению дальнейших церковных преобразований.

***Ключевые слова:** патриарх Никон, русская церковь, церковные иерархи, государь, власть, боярство, кафедра.*

CIRCUMSTANCES OF NIKON'S ABDICATION OF THE CATHEDRA

The article presents the attempt to consider the reasons for Nikon's abdication of the patriarchal cathedra on the basis of the comparative analysis of sources. The author comes to the conclusion that Nikon's resignation was not demonstrative, as the majority researchers believed, but was recognition of his own incompetence in carrying out further church reforms.

Key words: Patriarch Nikon, Russian church, church hierarchs, czar, authority, nobility, cathedra.

Неожиданным завершением периода патриаршества Никона явился его публичный отказ от кафедры. Этот беспрецедентный случай в истории русской церкви давно привлекал внимание историков. И главным вопросом, который ставили в этой связи ученые, являлся, конечно, вопрос о причинах, побудивших Никона на столь экстраординарный поступок. Один из первых исследователей русской церкви митрополит Макарий объясняет разрыв Никона с царем несдержанностью и грубостью патриарха, с одной стороны, и возмущением подобным поведением государя — с другой¹.

Разделяют эту оценку и Аполлос, и С. М. Соловьев, и Н. Гиббенет, добавляя, что в обострении ссоры между Никоном и царем виноваты плетушие интриги бояре². По Н. Ф. Каптереву и С. А. Зеньковскому, своим отречением Никон хотел поправить свое пошатнувшееся положение, путем шантажа вернуть себе былые властные полномочия. Но шаг этот не являлся продуманным, он совершался в приступе гнева и потому не достиг решаемого результата³. Ту же причину называет и М. В. Зызыкин. Правда, дает ей более романтическое освещение: уход Никона являлся протестом против нарушения клятвы, данной царем при его поставлении, мерой архипасторского воздействия⁴. С. В. Лобачев же считает, что подоплекой рассматриваемых событий явилось противодействие власти желанию Никона взять курс на создание теократического государства⁵.

Определить обоснованность всех этих суждений историков невозможно, не поставив еще один, как представляется, весьма немаловажный вопрос: насколько закономерен был столь внезапный уход Никона с патриаршества.

Кризис в отношениях патриарха и государя достиг своей высшей точки летом 1658 г. Благодаря тщательному расследованию обстоятельств отказа Никона от патриаршества, произведенному по Указу государя в феврале 1660 г., мы имеем множество свидетельств, позволяющих почти по часам восстановить хронологию событий. Кроме того, до нас дошел ряд текстов, написанных самим Никоном, в которых он подробно излагает рассматриваемый эпизод и поясняет причину своего поступка.

Тем не менее надо учесть, что, несмотря на относительно большое количество источников, все документы были составлены по прошествии нескольких лет после описываемых событий. Поэтому становится понятным появление в показаниях очевидцев ряда неточностей и разночтений. Еще осторожнее следует относиться к текстам самого Никона, который, естественно, хотел выставить себя в наиболее выгодном свете.

К сожалению, мы также почти ничего не знаем о позиции другой стороны конфликта — царя Алексея Михайловича. До нас не дошло ни одного исходящего непосредственно от государя свидетельства. И поэтому реконструкция его позиции может осуществляться лишь по отдаваемым им приказам и распоряжениям.

Таким образом, реально существует всего лишь два типа источников: один отражает внешнюю хронологию событий, другой — субъективный взгляд на них Никона. И здесь, думается, целесообразно рассмотреть эти типы источников поочередно, не смешивая их, что позволит по возможности выявить объективную картину происшедшего и степень фальсификации ее патриархом.

О событиях, предшествующих отказу Никона от кафедры, известно из показаний стольника Афанасия Матюшкина. В них сказано, что 6 июля 1658 г. он был послан к патриарху Никону с личным письмом от государя. «...И патриарх Никон письмо у меня принял и прочел и почел мне говорить: “я де государю бил челом, чтоб пожаловал государь велел дать оборонь на Богдана Хитрово, что Богдан убил моево Мещерсково князя, и государь не пожаловал, оборони не дал, и я де стану с ним управливатца церковью...” А говорил мне патриарх те речи в столовой, а вышед из столовой в сени казал мне князя Мещерсково, как он зашибен по голове; и меня он отпустил. И я пришел к государю и те слова ему, государю, известил, что он мне говорил. И государь меня изволил послать опять к патриарху с письмом же, и я к патриарху письмо в друго ряд отнес, и письмо у меня патриарх принял и прочел и молил: “волен де Бог и государь коли де мне оборони не дал, и я де стану управливатца с ним церковью”»⁶.

Итак, судя по всему, Никон, оскорбленный нежеланием государя тут же наказать виновного в избиении его человека, всерьез задумался о своем уходе с патриаршества. Н. Ф. Каптерев нашел подобную причину слишком ничтожной для столь радикального решения и поэтому предположил, что это решение было вызвано более глубинными мотивами⁷. Такие мотивы действительно имели место, но все же не стоит преуменьшать значение именно данного инцидента.

Как правильно заметил В. О. Эйнгорн, Никон и боярин Богдан Хитрово уже давно испытывали взаимную неприязнь, и

связана она была с малороссийскими делами. Хитрово, который по поручению царя ими занимался, раздражало частое и порой неуклюжее вмешательство в них Никона⁸. Поэтому оскорбление боярином патриаршего слуги было не случайным, как не случайным было нежелание государя наказать Хитрово. Ведь тем самым косвенно признавалось, что в глазах царя заслуг у боярина гораздо больше, нежели у Никона. Кроме того, патриарх оказался не в состоянии защитить своего человека и предстал перед подчиненными беспомощным, что для авторитета Никона было совершенно катастрофичным. Так, советник государя по окончательному низвержению патриарха Паисий Лигарид, который знал толк во властных интригах, описывая данное событие, замечает: «бесчестье слуги переходит на господина»⁹.

22 декабря 1664 г. чуть ли не единственный оставшийся друг Никона боярин Никита Зюзин на допросе по поводу неожиданного приезда патриарха в столицу, кроме всего прочего, показал следующее: 10 июля 1658 г. дьяк Иван Калитин ему сообщил, что Никон собирается оставить кафедру. На это боярин «... послал ево и велел ему говорить патриарху, чтоб он от такова дерзновения престал и с Москвы не ходил... а будет пойдет неразумно и не размысля, дерско, и впредь и хотящю ти внити [на престол] нелеть ти будет; а мне [Зюзину] х тебе нелзя быть, опасаясь великого государя гневу, увидя твое такое дерзновение. И Иван сказал: говорил де ему, и он де усумнелся от твоих слов, и стал было писати, немного написав разодрал и сказал иду де»¹⁰. Но даже если кто-то и был в курсе намерений Никона, то их оказалось очень немного. Для большинства его добровольный уход стал полной неожиданностью.

Самоотречение Никона от патриаршества произошло через два дня — 10 июля. Во время обедни, по свидетельству архимандритов Спаса-Нового монастыря Иосифа, Спасо-Андроникова монастыря Дионисия и Новгородского Спасо-Хутын-

ского монастыря Тихона, патриарх неожиданно начал писать какое-то послание: «...в службу божественной литургии, перед престолом, писал Никон патриарх своею рукою на столбце, а что в нем писано, тово не ведаю»¹¹. Как потом оказалось, это было послание государю.

Потом, со слов ключника Иева, патриарх отдал довольно странное указание: «И как после причастия, в кенаник призвал меня патриарх Никон к себе в алтарь, и велел мне поставить у всех дверей церковных по сторожу и велел приказать, чтоб из церкви людей вон не пушали, а велел им сказать, чтобы дать поучение, а в церковь людей пущать велел»¹².

Правда, показание сербского митрополита Михаила звучит несколько иначе: «...и у соборные де церкви двери заперли, а патриарха Никона до указа великого государя из церкви выпускать не стали»¹³. Но, скорее всего, митрополит точно не знал, кто именно приказал затворить ворота.

Далее Никон причастил присутствующих, причем, исходя из свидетельства протопопа Успенского собора Михаила, «...во время святаго причащения патриарх Никон целовал властей и служащих всех во уста...»¹⁴ и начал проповедь. Она, несомненно, явилась кульминацией всего происшествия, и поэтому, судя по «сказкам», отобранных у свидетелей, именно она интересовала следователей больше всего.

Сравнив зафиксированные показания, можно попытаться реконструировать это столь важное для истории русской церкви выступление.

Начав с цитирования священных текстов, по утверждению продьякона Петра Федорова, Никон привел следующее высказывание Иоанна Златоуста: «Взял де на себя корабль великий правил и править не взмог, у корабля кормило згнило и корабль опровержеся»¹⁵, тем самым патриарх недвусмысленно сравнил себя с византийским святым, так как и Иоанн Златоуст отказался от кафедры. Об этой части никоновского обращения сообщает стретен-

ский поп Андрей, причетник Гаврилко, и архимандрит Спасо-Хутынского монастыря Тихон¹⁶. Наиболее подробное изложение продолжения речи патриарха представлено в «сказке» митрополита Крутицкого Питирима: «Ленив де я учить вас был, и не стало де меня столко, и лености де моя ради окрастовелся; и вы, видя мое к вам неучение от мене окрастовели; и говорил с клятвою: от сего де времени не буду вам патриарх; аще де и помышлю быти патриарх, и я де анафема буду. И сан с себя святителский сложил, а говорил: уже де я вам не пастырь»¹⁷. Примерно то же самое показал тверской архиепископ Иоасаф¹⁸. В данных свидетельствах особенно важно было то, что Никон клялся никогда более не возвращаться на патриарший престол: «Я де анафема буду». И тем самым отрезал себе все пути к отступлению.

Н. Ф. Николаевский, а за ним и С. В. Лобачев, разбирая данный вопрос, пришли к выводу, что митрополит Питирим, возможно, оговорил Никона, так как в большинстве свидетельств остальных иерархов ничего не говорится об этом клятвенном обещании патриарха¹⁹. Но несхожесть показаний Питирима можно объяснить и иначе. В отличие от других священнослужителей, присутствующих при отречении Никона, Питириму не было никакой выгоды скрывать какие-либо обстоятельства дела. Его отношения с Никоном были и так враждебными. Кроме того, митрополит вряд ли мог взять на себя смелость и в присутствии других свидетелей просто выдумать свое показание о клятве Никона. Тем более, о произнесенном обещании Никона никогда больше не возвращаться на престол в своих показаниях упоминали и тверской архиепископ Иоасаф, и ключарь Успенского собора Федор Терентьев²⁰.

По версии священника Успенского собора Василия Федорова, речь Никона была еще более самоуничижительной: «... и аз не умею вас пасти ни в чем, только де вас погубил, сам окрастовел и вас смутил и никакому добру не научил...»²¹.

Патриарший казначей Тихон говорил еще, что Никон в своей речи просил прощения у всех тех, у кого он незаконно присвоил имущество. «У ково де я село отнял — возьми назад ево, или де полуценою или малою ценою купил, — возврати де малую цену мне, а село свое возьми; или де у ково вещь какую насилдовал, изнурил ея, отдать нечего прощения прошу»²².

Наибольшее отличие от прочих «сказок» имело свидетельство ризничего Успенского собора Иева. В нем Никон сказал следующее: «Как ходил я с государем царевичем и великим князем Алексеем Алексеевичем в Колязин монастырь, и в ту де пору на Москве многие люди к лобному месту збирались [во время чумы 1654 года] и называли меня иконоборцом, что многие де иконы я имал и драл, и за то де меня хотели убить; а я имал иконы латинские, которым нельзя кланяться; а вывез тот перевод немчин из Немецкие земли, и указал в соборной церкви на Спасов образ греческого письма, мощно де сему верить и покланяться, и я де не иконоборец. И после того времени называют еретиком: новые де книги давал; и то ради моих грехов чинитца. И я де вам предлагал многое поученье и свидетельство вселенских патриархов, и вы в непослушании окаменением сердец своих хотели меня камением побить, а нас единою Христос кровию искупил; а меня вам камением побить, и мне никою кровию своею не избавить; и чем вам камением меня побить и еретиком называть, и я вам от сего времени не буду патриарх, а предаю вас в руке Богу живу, той вас да упасет»²³.

Ввиду несхожести этих показаний с другими ризничего допросили снова. И тот быстро отказался от своих слов. Судя по записанному его заявлению, он был сильно напуган: «А что многие речи в первой скаске перед другой лишняя написаны, то де патриарх чаю, в иных местех говорил, а того де в поучении говорил ли или нет, того де подлинно не упомню, потому что вскоре заскорбел и посямест болю»²⁴.

Но даже если эти слова патриарх говорил в другом месте, они, несомненно, заслуживают внимания. В приведенных речах Никона, по существу, в сжатом виде излагаются предпринятые им действия по церковному реформированию, а именно: приведение иконописи к единому канону и исправление служебников на основе греческих текстов. Но так как народ не понял и не оценил этих стараний, он оставляет кафедру.

Когда же присутствующие осознали смысл речи Никона, по свидетельству крутицкого митрополита Питерима и тверского архиепископа Иоасафа, со всех сторон стали доноситься возгласы: «Кому де ты нас сирых оставляеш». Но патриарх был непреклонен. На глазах собравшихся ему принесли мешок с монашеским одеянием, а патриарший посох заменили простой клюкой. (Кстати, подьякон Иван Тверитин показал, что патриарх специально заранее его посылал ее купить)²⁵. Пришедший в отчаяние народ пытался это все у Никона отнять. В то же время сам митрополит Питерим вместе с Михаилом Сербским отправился сообщить государю о происходящем²⁶. Для такого дела стоявший на дверях ключарь Иов, очевидно, их выпустил.

Дальше события могут быть реконструированы по отчету князя Алексея Трубецкого, которого царь послал для выяснения обстоятельств разразившегося скандала.

Войдя в Успенский собор, боярин спросил у Никона: «Для чево де он патриаршество оставляет, не пососоветовав с великим государем, и от чьево гоненья, и хто ево гонить? И чтоб он патриаршества не оставлял и был по прежнему. И патриарх говорил: оставил де я патриаршество собою, а ни от чьево и ни от какова гонения, и государева де гнева никакова на меня не бывало; а о том де я и преж сего великому государю бил челом и извещал, что мне больша трех лет на патриаршестве не быть. И дал мне [Трубецкому] письмо, а велел поднести к великому государю. Да со мной ж приказывал, велел бить челом, чтоб госу-

дарь пожаловал, велел дать ему келью. И просил я у него себе благословения, и он меня не благословил, а говорил: какое де от меня тебе благословение? Я де недостойн патриархом быть; а будет же тебе надобно, я де тебе стану исповедать грехи свои...» Трубецкой отнес письмо государю, и тот, прочитав его, послал боярина снова в собор, веля ему сказать следующее: «...чтоб он патриаршества не оставлял и был по прежнему: а келей на патриаршем дворе много, в которой он похочет, в той и живи...» Далее Трубецкой показывает: «...и письмо я ему отдал. И патриарх Никон сказал: уже де я слова своего не перемену, да и давно де у меня о том обещае, что патриархом мне не быть. И пошел из соборной церкви вон»²⁷.

Если суммировать цветистые речи Никона, изложенные Трубецким, то главной причиной его ухода с патриаршества стала его неудовлетворенность пребыванием на кафедре, осознание собственной неспособности занимать столь высокое место.

Из Успенского собора Никон отправился в Воскресенское подворье, а затем, как и обещал, уехал в Воскресенский монастырь. Перед дорогой он написал еще одно письмо государю. Оно сохранилось в подлиннике. В нем, в частности, говорится: «...ждал от вас, великих государей, по моему прошению, милостиваго указу, и не дождаха, и многих ради своих болезней, велел отвезтиса в ваше государево богомолье в Воскресенской монастырь...»²⁸. Примерно то же самое Никон сказал и 12 июля приехавшим к нему в Воскресенский монастырь царским посланцам, князю Алексею Трубецкому и Лариону Лопухину: «...а убо ялся тово, что ево [Никона] постигла болезнь, и ему в патриархах не умереть; а впердь де он в патриархах быть не хочет; а толко де я похочу быть патриархом, проклять буду и анафема»²⁹.

Из данных высказываний Никона выходит, что он или занемог, или, боясь заболеть, уехал из столицы. Конечно, подобные слова стоит воспринимать, в первую очередь,

как метафору. Никону стало плохо не физически, а морально. Пребывание в кресле патриарха стало для него невыносимым.

Таким образом, если обобщить свидетельства обо всем сказанном Никоном в Успенском соборе 10 июля, а также вскоре после этого, можно прийти к выводу, что причиной его поступка было прежде всего осознание допущенных им во время патриаршества просчетов: и он не смог должным образом заботиться о своей пастве, и паства во многом несправедливо была недовольна его управлением. Во всех приведенных речах Никона явственно чувствовалась растерянность. Намеченные преобразования были в основном выполнены, но их результаты оказались мало удовлетворительными. Росло недовольство народа, а главное, государя, на благосклонности которого, собственно, и основывалась вся никоновская власть. Очевидно, никакого конструктивного выхода из сложившейся ситуации Никон найти не мог. Не мог он примириться и с новой реальностью, когда царь Алексей Михайлович начал постепенно отбирать у него дарованные некогда полномочия.

Восстанавливая обстоятельства отречения Никона, трудно назвать его действия спонтанными, совершенными под воздействием минутного раздражения. Скорее всего, это был хорошо разыгранный спектакль. Его приказ ключарю Иову «закрыть церковь», дабы иметь наибольшее число свидетелей его поступка, и заблаговременно приготовленная монашеская одежда и клюка, которую в нужный момент ему вынесли, — все это говорит о заранее спланированном шаге. Отказ от патриаршества был срежиссирован Никоном так же, как некогда им было срежиссировано его вступление на кафедру.

Рассмотрев мотивы, вынудившие Никона принять столь радикальное решение, попытаемся определить цели, которые он хотел достичь этим поступком. Для этого обратимся к версии событий июля 1658 г., предложенной самим Никоном.

Наиболее полно хронологию тех дней (6–10 июля) Никон описывает в своем послании константинопольскому патриарху Дионисию. В нем сказано следующее: 6 июля 1658 г. царь Алексей Михайлович давал обед прибывшему в Москву грузинскому царевичу Теймуразу. Когда приглашенный гость шел на государев обед, окольный Богдан Хитрово ударами палки очищал ему путь от толпы. На его дороге попался человек Никона, князь Дмитрий Мещерский «...и окольный Богдан Матвеевич ударил ево по голове палкою без пощады, и человек наш рече ему: напрасно де бьеш меня, Богдан Матвеевич, мы не приходом зде просто, но з делом. И царского величества окольный спросил кто ты еси. И он де ему сказался наш патриарш человек и з делом послан. И колничей де говорил ему не дорожися де, и ударил ево по лбу и уязви ево горко зело. И приде к нам и показа язву и плакаше и жаловался нам на Богдана Матвеевича Хитрова». Никон тут же написал государю, прося встречи с ним для расследования этого дела. Царь Алексей Михайлович отправил ответное послание, в котором обещал разобраться (как мы знаем, с этим письмом был послан Дементий Башмаков), но аудиенции патриарху не дал. Не пришел он на службу в собор ни 8-го числа, ни даже 10 июля, когда отмечался праздник Ризы Господней.

Далее Никон сообщает Дионисию, что к нему явился князь Юрий Ромадановский и, по поручению царя, сказал следующее: «Яко царское величество гневен на меня и сего ради к заутрени не прииде и ко святой литургии ожидати не повеле». И еще сказал: «Ты де царское величество пренебрег еси, и пишешы великим государем, а у нас един есть великий государь царь. И аз в том отвещал: называюся аз великим государем не собою, сице восхоте и повеле называтися и писатися его царское величество. И сие свидетельство имеем мы грамоты писаны царскаго величества рукою. И той князь Юрьи рече мне: царское величество почте тебя, яко отца и пастыря, но ты не разумел,

и ныне царское величество повеле мне сказати тебе, от ныне впредь да не пишешыся и не называешыся великим государем, и почитать тебя впредь не будет»³⁰. Характерно, что на разъяснение Никона, почему он подписывается титулом «великий государь», князь отвечает, что главное не подписанная бумага, а расположение в данный момент царя Алексея Михайловича.

После этого разговора Никон и решил отказаться от кафедры. Он написал письмо государю, краткое содержание которого он и изложил в своем полемическом произведении «Возражение или разорение смиренного Никона»: «се вижу на мя гнев твой умножен без правды, и того ради соборов святых во святых церквах лишаешыся; аз же пришелец есмь на земли; и се ныне, поминая заповедь Божию, дая место гневу, — отхожу от места и града сего, и ты имаши ответ пред Господом во всем дати»³¹ и объявил об этом решении в Успенском соборе. Далее явившемуся князю Трубецкому, а, по Никону, тот пришел вместе с окольным Радионом Стрешневым, патриарх заявил, что: «...даю место гневу царского величества, зане, кроме правды, его царского величества синклит, бояря и весь народ церковной чин не брегут и безчиния многая творят, а царское величество управы не дает, и в чем мы печалимся, он гневается на нас, и несть горше, кто царской гнев да носит...» На это бояре якобы не только подтвердили, но даже и обострили сказанное князем Рамадановским: «Ты сам себя назвал великим государем и вступаешыся в государевы многие дела и ныне впредь в царские дела да не вступаешыся. И мы отвещаем им: ниже величания мы восхотехом, ниже великим государем назвахомся собою, ниже в царские дела вступахом, токмо аще о правде какой глаголахом или от беды кого избавихом»³². И Никон отправился на Воскресенское подворье.

Сравнивая показания свидетелей, находящихся в Успенском соборе, и описание Никоном своего отречения, можно сказать,

что, соответствуя между собой изложением общего хода дела, они очень отличались по тональности и расстановке акцентов. Если в произведениях Никона его речи выглядели как грозное обличение народа, бояр и даже самого государя — все они отступили от православных канонов, то, по показаниям очевидцев, Никон говорил главным образом о собственной неспособности управлять патриархией. В этом отношении стоит больше доверять имеющимся в нашем распоряжении «сказкам». Просто по прошествии нескольких лет ситуация изменилась, Никон перед угрозой процесса пытался выдвинуть другую причину своего ухода: несоблюдение государем и боярами божьих заповедей. К сожалению,

историки ради восстановления наиболее полной хронологии рассматриваемого события часто смешивали свидетельства сторонних наблюдателей и самого Никона и, следовательно, не могли выявить изменения в целях патриарха. Если в 1660-х гг., когда Никон писал свои показания, он хотел если не возвратиться на патриаршую кафедру, то хотя бы избежать суда, то в 1658 г. он, похоже, искренне, в результате, как было показано ранее, растерянности хотел уйти.

Таким образом, можно сделать вывод, что отказ Никона от кафедры не был случаен. Это был вполне закономерный итог всей осуществляемой в течение шести лет политики патриарха.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Макарий. История русской церкви. Кн. 7. — М., 1996. — С. 154–156.
- ² Аполлос. Начертание жития и деяний Никона, патриарха Московского и всея России. — М., 1845. — С. 51–52; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 6. — М., 1991. — С. 203–206; Гиббенет Н. А. Историческое исследование дела патриарха Никона. — СПб., 1882. — Ч. 1. — С. 25–26.
- ³ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. — Сергиев Посад, 1909. — Т. 1. — С. 394–431; Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. Духовное движение XVII в. — М., 1995. — С. 302.
- ⁴ Зызыкин М. В. Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи. — М., 1995. — Ч. 2. — С. 355–358.
- ⁵ Лобачев С. В. Патриарх Никон. — СПб., 2003. — С. 202.
- ⁶ Гиббенет Н. А. Указ. соч. — Ч. 1. — С. 179.
- ⁷ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь... Т. 1. — С. 399.
- ⁸ Эйгорн В. О. О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. Очерки из истории Малороссии в XVII веке. — М., 1890. — С. 119.
- ⁹ Изложение поместного собора, бывшего в Москве против патриарха Никона, составленное газским митрополитом Паисием Лигаридом. Архив. — СПб.: Институт истории РАН. Ф. 261. Бумаги В. Н. Бенешевича. Л. 17.
- ¹⁰ Дело о патриархе Никоне. — СПб., 1897. — С. 198–199.
- ¹¹ Там же. — № 17. — С. 23, 25.
- ¹² Там же. — С. 28.
- ¹³ Там же. — С. 24.
- ¹⁴ Там же. — С. 26.
- ¹⁵ Там же. — С. 43.
- ¹⁶ Там же. — № 17. — С. 28, 45.
- ¹⁷ Там же. — С. 21.
- ¹⁸ Там же. — С. 22.
- ¹⁹ Николаевский П. Ф. Обстоятельства и причины удаления патриарха Никона с престола. — СПб., 1883. — С. 18–20; Лобачев С. В. Указ. соч. — С. 209.
- ²⁰ Дело о патриархе... С. 22, 30.
- ²¹ Там же. — № 12.

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ

²² Там же. – № 15.

²³ Там же. – № 11.

²⁴ Там же. – С. 34.

²⁵ Там же. – С. 35.

²⁶ Там же. – С. 21, 22–23, 24.

²⁷ Там же. – № 6.

²⁸ Там же. – № 1.

²⁹ Там же. – № 7.

³⁰ Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. – СПб., 1861. – Т. 2. – С. 514–515.

³¹ Патриарх Никон. Труды. – М., 2004. – С. 210.

³² Записки... Т. 2. – С. 516.